

СУБСТАНТИВНЫЕ ФОРМЫ НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖА В ПРОЗЕ

А.П.ЧЕХОВА КАК СРЕДСТВО ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКИ

© 2007 Н. Хади Джавад

Воронежский государственный университет

Как известно, основной чертой художественной литературы является антропоцентризм, а одним из главных выражаемых в ней универсальных смыслов – ‘человек’. Изображая человека в его социальной и исторической обусловленности, писатель раскрывает свое отношение к миру, свои эстетические и ценностные установки.

Произведения А. П. Чехова показывают все стороны жизни современной ему России. Поэтому количество действующих лиц в рассказах писателя очень велико. Представляется интересным рассмотреть, какими языковыми средствами осуществляется номинация персонажа в прозе этого писателя.

Как показывает анализ, персонаж может быть назван по ряду параметров: профессии или роду занятий, социальному положению, возрасту, родственными отношениями, национальности, вероисповеданию, чертам характера, чертам внешности и др. Среди существительных, называющих действующее лицо в прозе А. П. Чехова, наиболее многочисленную группу составляют единицы, обозначающие профессию или род занятий героя. Это чиновники самых разных ведомств (банковец, акцизный, чиновник почтового ведомства, секретарь дворянской опеки) и рангов (секретарь, экзекутор, коллежский регистратор, губернский секретарь, титулярный советник, статский советник, губернатор); представители судебной системы (товарищ прокурора, следователь, судебный пристав, председатель судебной палаты, член судебной палаты, защитник, кандидат на судебные должности) и полицейские (жандарм, полицейский надзиратель, городской, полицейский урядник).

Достаточно широко представлены в рамках исследуемого материала наименования лиц духовного звания (протоиерей, дьячок, диакон, архиерей, владыка); служащих в армии (солдат, военный, генерал, генерал-майор, унтер-офицер); представителей интеллигенции (доктор, домашний доктор, уездный врач, фельдшер, учи-

теля гимназии, учитель русского языка, учитель географии, законоучитель, гувернантка, инспектор, профессор, инженер).

Встречаются в рассказах и наименования лиц творческих профессий (трагик, певица, хористка, антрепренер, актриса, артист, актеры). В прозе Чехова используются также существительные, называющие слуг (горничная, нянька, кухарка, лакей, швейцар, дворник, кучер, швейцар, прислуга). Кроме того, писатель употребляет названия следующих профессий: золотых дел мастер, извозчик, ламповщик, пастух, плотник, повар, почтальон, прачка, приказчик, токарь, сторож. Таким образом, можно сказать, что посредством указания на профессию или род занятий героя А. П. Чехов вписывает его в систему социальных координат.

Второе место по частотности употребления занимают имена собственные – универсальная функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов, выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа [5, 21; 1, 28].

Применительно к личным именам персонажей следует отметить, что поскольку в прозе Чехова представлены все социальные слои общества: крестьяне, мещане (ремесленники, мелкие торговцы и домовладельцы), служащие, военные, рабочие, дворяне, купцы и представители духовенства, то для именования их представителей автор использует разнообразные формы русских антропонимов. В зависимости от количества компонентов, входящих в состав антропонима, они подразделяются на следующие группы: 1. трехкомпонентные; 2. двухкомпонентные; 3. однокомпонентные.

Трехкомпонентные наименования включают имя, отчество и фамилию действующего лица. Например: *Федор Андреевич Любостяжьев* – «Рас-

сказ, которому трудно подобрать название» (чиновник); **Гурий Петрович Грыжев** — «Корреспондент» (купец); **Федор Андрееч Отцов** — «Дочь Альбиона» (предводитель дворянства); **Марья Ивановна Лангер** — «Который из трех» (статская советница). Обращает на себя внимание тот факт, что трехчленные номинации в рамках исследованного материала используются только по отношению к лицам, имеющим достаточно высокий социальный статус.

Двухкомпонентные наименования могут состоять из: а) имени и отчества, б) имени и фамилии, в) имени и прозвища. Наиболее частотной является номинация персонажа по имени и отчеству. Например: **Иван Адольфович** — «Цветы запоздалые» (доктор); **Никита Прохорыч** — «Либерал» (чиновник); **Трифон Семенович** — «За яблочки» (помещик); **Никифор Филимоныч** — «Отставной раб» (бывший лакей).

Для лиц мужского пола использование номинации по имени и отчеству не имеет в произведениях А. П. Чехова ограничений социального характера, т. е. такая номинация может употребляться применительно к человеку любого сословия. Правда, у лиц низших социальных слоев встречается редко, и это может быть не собственно авторское именование, а обращение к данному персонажу другого персонажа.

При обозначении лиц женского пола в рамках исследуемого материала авторских номинаций по имени и отчеству представительниц низких социальных слоев не отмечено.

Следующим видом двухчленных наименований является наименование по имени и фамилии. Например: **Феофан Манафуилов** — «Суд» (дьячок); **Степан Луков** — «Радость» (купец); **Тимофей Стукотей** — «Сельские эскулапы» (крестьянин); **Сидор Шельмезов** — «Случай из судебной практики» (мещанин, которого судят за кражу); **Владимир Штраль** — «Который из трех» (барон); **Илья Дробискулов** — «Закуска» (чиновник).

Как показывают примеры, такой вид номинации может быть употреблен по отношению к представителю любого социального слоя, хотя по отношению к лицам, имеющим высокий социальный статус, используется автором только в случае их молодого возраста. Форма имени в подобных сочетаниях может варьироваться — от полного канонического до деминутивного и уничижительного: **Михайло Измученков** — «Сельские эскулапы» (бас); **Миша Бобов** — «Благодарный» (секретарь); **Мишель Пузырев** — «Теща-адвокат» (женех, а потом муж).

Примеров подобной номинации лиц женского пола выявлено незначительное количество. В основном, это именованья молодых девушек и дам, в которых имя используется в деминутивной

форме: **Катя Кузевич** — «Каникулярные работы институтки Наденьки N» (подруга); **Софи Окуркова** — «Ушла» (знакомая жены героя). Использование полного имени в сочетании с фамилией отмечено только при номинации женщин низкого социального положения: **Марья Заплаткина** — «Сельские эскулапы» (крестьянка).

В рамках анализируемого материала встречаются также двухчленные номинации, которые могут состоять из имени и прозвища или (реже) фамилии и прозвища. Например: **Павел Хромой** — «Он понял!» (крестьянин); **Хрымины Старшие** — «В овраге» (постоянно судились с Хрымиными Младшими). Однако количество таких примеров невелико.

Однокомпонентные наименования могут состоять из: а) имени, б) фамилии, в) отчества, г) прозвища.

Номинация персонажа только по имени тоже имеет определенные закономерности. Так, при наименовании людей низкого социального положения такая форма является обычной как для мужчин, так и для женщин, например: **Никифор** — 1. «В овраге» (сын поденищицы), 2. «Живой товар» (слуга), 3. «Цветы запоздалые» (слуга), 4. «Умный дворник» (повар); **Пелагея** — 1. «Сельские эскулапы» (кухарка), 2. «Из дневника помощника бухгалтера» (кухарка).

При именовании мужчин других социальных слоев личное имя без отчества и без фамилии в авторской речи используется достаточно редко и имеет возрастные ограничения или употребляется при указании на родственные отношения героев, но без ограничений употребляется при обращении одного персонажа к другому. Например: **Иван** — 1. «Письмо к ученому соседу» (брат героя, майор), 2. «Скверная история» (брат художника Ногтева); **Василий** — «Беда» (гимназист). Это касается и употребления женских имен, например: **Наталя** — 1. «Именины», 2. «Опекун» (тетка Вари), 3. «Клевета» (дочь учителя).

Наименование действующего лица по фамилии в рассказах А. П. Чехова тоже достаточно частотно. При этом фамилия часто имеет внутреннюю форму комического плана, например: **Артаксерксов** — «Случай с классиком» (учитель греческого языка); **Прокатилов** — «На гвозде» (начальник Стручкова, сидящий у его жены и не дающий возможности пришедшим к нему гостям сесть за стол); **Прочуханцев** — «О, женщины, женщины!» (князь, сочиняющий стихи); **Самолушчев** — «Жалобная книга» (конторщик); **Оттягаев** — «Рассказ, которому трудно подобрать название» (губернский секретарь); **Прекрасновкусов** — «Закуска» (чиновник). Обращает на себя внимание тот факт, что для женщин такой способ номинации практически не употребляется.

Номинация персонажа только по отчеству используется редко и служит для именованья немолодых женщин из низких социальных слоев, например: *Лукинишна* — «*Дура, или капитан в отставке*» (сваха); *Петровна* — «*В вагоне*» (старушка-странница). Использование прозвища тоже встречается не часто, например: *Хромой* — «*Он понял!*» (крестьянин).

Анализ показал, что структура имени персонажей в рассказах А. П. Чехова служит одним из факторов репрезентации информации о национальности, поле, социальном статусе, возрасте действующего лица, авторской оценке.

Помимо собственно авторских номинаций в прозе А. П. Чехова широко представлены различные формы обращений персонажей друг к другу. Рассмотрим это подробнее. Как известно, обращение служит не только для привлечения внимания и установления контакта с адресатом. Оно выполняет и социально-индикационную функцию, поскольку выступает в процессе общения как индикатор социальных и межличностных отношений между коммуникантами. В соответствии с ролевой теорией принято различать вертикальные и горизонтальные отношения между коммуникантами. Применительно к конкретной ситуации общения более емкими представляются используемые Л. Г. Крысиным термины *симметричный* — *асимметричный* [4, 16]. Например, роли сослуживцев, одноклассников, соседей по квартире и т.п. симметричны, поскольку ни один из них не имеет каких-либо преимуществ, обусловленных характером роли, а роли сына и отца, ученика и учителя, квартиранта и хозяина, просителя и должностного лица и т.п. воспринимаются как асимметричные.

Обращение в форме полного имени репрезентирует следующую информацию об адресате: это, как правило, взрослый человек любого социального положения. Такое обращение может быть использовано как в симметричных, так и в асимметричных речевых актах. Однако более широко данная форма используется в следующих вертикальных речевых актах.

1. При обращении человека более высокого социального статуса к человеку менее высокого социального статуса. Например, к слугам и крестьянам, как правило, обращались только по имени (даже в том случае, если адресант моложе адресата). *Ты же смотри, Андрей!* Из редакции никого! Не велел хозяин (обращение распорядителя вечера к лакею в рассказе «Тряпка»); *Послушай, Клим!* Зачем ты так гонишь лошадь? (обращение землемера к крестьянину-вознице в рассказе «Переселил»); ...*Пелагея*, знай... я не люблю, если кто в кухне сидит (барыня обращается к кухарке в рассказе «Кухарка женится»); *Агния*, позови ба-

рина! (обращение барыни к горничной в рассказе «Переполох»).

2. При обращении старшего по возрасту к младшему по возрасту. Например, в рассказе «В цирюльне» крестный отец обращается к хозяину цирюльни по имени — *Макар*). Следует отметить, что иногда полное имя может быть употреблено и при обращении к ребенку. Обращение полным именем к детям обычно выражает иронию, или недовольство поведением, или носит высокопарный характер. Вот пример из рассказа «Живой товар»: *Когда он (Бугров)... напивался, брал на руки Мишутку и, плача, говорил ему при Грохольском и Лизе: «Сын мой! Михаил!... Я... подлец! Продай мать твою!»*

Кроме того, обращение в форме полного имени используется и в симметричных речевых актах представителей любой социальной среды. *Садись, Илья! Не бойся! Привыкай! Закусоч-то сколько, закусоч!* (в рассказе «Закуска» чиновник обращается к своему другу — тоже чиновнику); *Подрубить корягу надо!* — решает наконец Любим. — *Герасим, сходи за топором!* (обращение одного плотника к другому в рассказе «Налим»). Следует отметить, что если у лиц, имеющих относительно высокий социальный статус, такое обращение обычно свидетельствует о дружеских или приятельских отношениях, то в простонародной среде оно является общепринятым и может употребляться даже по отношению к адресату более старшего возраста, чем адресант. Например: *Василий быстро раздевается и лезет в воду. — Я сейчас... — бормочет он. — ...А ты бы ушел, Ефим! Нечего тебе тут старому человеку не в свое дело мешаться!* («Налим»).

Обращение посредством полного имени (независимо от социального статуса коммуникантов) является также употребительным при общении супругов или мужчины и женщины, находящихся в близких отношениях: *Досифей!* — *послышался женский бас. — Где же ты?* (обращение помещицы Хлыкиной к мужу в рассказе «Последняя могижанша»); *Говорят, Павел Матвеевич приехал! Павел, где ты?* (обращение жены к мужу в рассказе «Лишние люди»); *Николай, вы уверены, что не ошибаетесь?* (обращение женщины к домашнему врачу, ее бывшему возлюбленному, в рассказе «Доктор»); *Не губи ты меня, Степан! Не бери греха на душу. Со мной повенчал бог, со мной и живи* (обращение крестьянки к мужу в рассказе «Барыня»).

В симметричных речевых актах аналогичного характера и мужчины разных сословий могут использовать полное имя при обращении к женщинам: *Ты, Матрена, не плачь... — бормочет он (токарь). — Потерпи малость* (обращение токаря к старухе жене в рассказе «Горе»); *Вывертов (помещик) подошел к кровати, на которой лежала*

жена, и сказал: «Я, **Арина**, этого так не оставляю («Упразднили!»); Я был бы рад надежде не меньше вас, **Ольга**, но ее нет, — ответил **Цветков** (обращение доктора к матери больного мальчика, его бывшей возлюбленной, в рассказе «Доктор»).

Использование формы полного имени при обращении к близкому человеку может быть как нейтральным, так и указывать на проявление негативных эмоций. **Торчаков...** поглядел на жену и сказал: «А нехорошо, **Лизавета**, что мы не дали тому казаку разговеться (в рассказе «Казак» мещанин так обращается к жене, которую в другой ситуации называл Лизой).

В рамках текста произведения в зависимости от характера отражаемой ситуации одно и то же лицо может именоваться посредством разных форм его личного имени.

Безаффиксная форма деминутивного имени в симметричных языковых актах используется для обращения к представителю любого социального слоя и имеет нейтральный характер или положительную эмоциональную окраску. **Это, Феня**, я заказал... Рыбы захотелось. Если тебе не нравится, то пусть не подадут (обращение мужа к жене Федосье Васильевне в рассказе «Переполах»); **Нельзя так, Петя!** Так друзья не делают (обращение отставного корнета Помоева к мировому судье Шестикрылову в рассказе «Интеллигентное бревно»); **Господа, кто же будет сопровождать?** — говорила она (**Софья Васильевна**) плачущим голосом. — **Надя**, идите хоть вы сопроводите! (обращение одной дамы к другой в рассказе «Заказ»).

В асимметричных языковых актах обращение в такой форме имени возможно по отношению к более молодому адресату или по отношению к лицу более низкого социального статуса: **Ваня!** — обратился генерал к своему племяннику, юноше-гимназисту... («Петров день»); **В комнату вошла горничная. Лиза**, вы не знаете, зачем это меня... обыскивали? — спросила у нее гувернантка («Переполах»).

Имена, образованные по модели на -к (а), от сокращенных основ в вертикальных языковых актах при обращении к взрослому лицу низкого социального положения являются уничижительными или пренебрежительными: **Петька!** — крикнул **Восьмеркин лакею**. — **Поди позови сюда Дуняшку, Любку и прочих!** («Свистуны»).

В асимметричных речевых актах коммуникантов, принадлежащих к одному социальному слою, употребление такой формы обращения часто является индикатором негативной эмоции по отношению к адресату: **Не разгорается, чтоб он треснул!** — орет где-то вдова, ставя самовар. — **Катька**, подай угли! («Талант»). Подобное явление наблюдается и в симметричных речевых актах коммуникантов, имеющих относительно

высокий социальный статус: **Я уже начинаю сердиться, Вера!** А, черт возьми!... **Верка!** (обращение рассерженного присяжного поверенного к жене в рассказе «Заблудшие»).

Некоторые авторы [2, 151; 5, 90] считают, что по отношению к детям и подросткам (в особенности в произведениях художественной литературы) эти формы приобретают, как правило, не уничижительное, а уменьшительное или фамильярное значение. С этим мнением можно согласиться. **Важное, брат Паука**, ты себе пузо отрастил, — сказал он (доктор) и вздохнул. — **Ну, показывай свой локоть** (обращение доктора к мальчику-пациенту в рассказе «Беглец»). В разговорно-бытовой речи такие формы нередко приобретают фамильярно-дружеское значение. Однако в таком значении они возможны в симметричных речевых актах лишь между хорошо знакомыми (близкими) людьми любого возраста и социального положения: **Любопытно поглядеть, какой из тебя, Петька**, судья вышел (обращение отставного корнета Помоева к мировому судье Шестикрылову, мужу его сестры, в рассказе «Интеллигентное бревно»).

Обращения в форме деминутива с уменьшительно-ласкательными суффиксами в рассказах А. П. Чехова достаточно частотны и используются во всех социальных группах для выражения ласкового отношения как в симметричных, так и в асимметричных речевых актах: **Никиша!** — обратился шафер к жениху, кивая на брюнета. — **Как фамилия этого артиста?** («Гордый человек»). В рассказе «Трифон» муж, обращаясь к жене, которая куда-то вышла, зовет ее, используя такие деминутивные формы: **Настюша! Настя! Настенька!**

Особенно употребительны такие формы в речевых актах с интенцией просьбы: **Ты же, Васечка**, твою... — забормотал **Тигров...** — презентуй мне сегодня двадцать талеров («После бенефиса»). В рассказе «Барыня» жена спрашивает своего мужа не идти на службу к помещице и употребляет следующие деминутивы от имени Степан: **Степа, Степушка и Степунька**. В рассказе «Невидимые миру слезы» чиновник спрашивает жену угостить пришедших с ним приятелей и использует такие деминутивные формы: **Машенька! Машуня! Машечка! Манюня!**

Номинации с использованием патронимов могут иметь двукомпонентную (имя и отчество) и монокомпонентную (только отчество) структуру. Первые представлены в исследуемом материале более полно. Обращение по имени и отчеству репрезентирует следующую информацию об адресате: это, как правило, взрослый человек любого социального положения. Такое обращение может быть использовано как в симметричных, так и

в асимметричных речевых актах. Однако более широко данная форма используется в следующих вертикальных речевых актах.

1. При обращении человека более низкого социального статуса к человеку более высокого социального статуса (любого пола и возраста). *Не от жадности я это сделал, Петр Егорыч, — оправдывается дрожащим голосом Хромой* (обращение крестьянина к помещику в рассказе «Он понял!»). *Это вы, барыня Наталья Сергеевна? — спросил он (Денис) недоумевающим голосом* (обращение пожилого крестьянина к помещице 23-х лет в рассказе «В рождественскую ночь»). *Прохор Семеныч! — умолял он... — Заставьте вечно бога молить! Попросите его превосходительство, чтобы они меня извинили... Не могу я читать* (обращение чиновника Мердяева к старшему бухгалтеру Будылде в рассказе «Чтение»). Следует отметить тот факт, что во многих случаях обращение по имени и отчеству связано с просьбой.

2. При обращении лица старшего по возрасту и имеющего более высокий социальный статус к лицу, младшему по возрасту и имеющему более низкий социальный статус, в случае, если адресат является представителем интеллектуального труда. Такое обращение возможно по отношению к учителю, репетитору, секретарю, конторщику, гувернантке и т. д. Вот несколько примеров. *Иван Матвееч! Когда наконец вы бросите вашу привычку растягивать строки?* (обращение ученого к переписчику — молодому человеку лет восемнадцати — в рассказе «Иван Матвееч»). *Ну, чего думаешь? Задача-то ведь пустяковая! — говорит Удодов Пете. — Экий ты дурак, братец! Решите уж вы ему, Егор Алексеич* (обращение отца к репетитору его сына — гимназисту VII класса в рассказе «Репетитор»). *На днях я пригласил к себе гувернантку моих детей, Юлию Васильевну. Садитесь, Юлия Васильевна! — сказал я ей* (обращение к молодой гувернантке в рассказе «Размазня»).

Обращение по имени и отчеству к молодому человеку низкого или невысокого социального статуса может свидетельствовать об уважении к нему или о повышении его социальной значимости в конкретной ситуации в связи с определенными обстоятельствами. Так, в рассказе «Художество» ничтожный во всех остальных отношениях «малый лет тридцати», которого в обычное время называют уничижительной формой имени — *Сережка*, имеет редкий талант — удивлять раз в год весь мир своим искусством. И в этот день окружающие относятся к нему по-особому: *Все улыбаются ему, сочувствуют, величают Сергеем Никитичем, все чувствуют, что художество* (создание Иордани к христианскому празднику Крещения) *есть не его личное, а общее, народное дело*. В рассказе «Исповедь» окружающие стали

обращаться по отчеству к мелкому чиновнику, получившему должность кассира, поскольку надеялись через него получить доступ к казенным деньгам: *У нас в России не умеют ценить таких людей, как Григорий Кузьмич! — прокричал за ужином Казусов*.

И, наоборот, утрата уважения приводит к тому, что человека перестают называть по отчеству: *... То, что недавно из «Нашей губернии» возвратили Макару плохой рассказ, известно всему уезду и вызывает насмешки, длинные разговоры, негодование, и Макара Денисыча уже называют Макарой* («Весной»).

Кроме того, обращение по имени и отчеству используется и в симметричных речевых актах представителей любой социальной среды в ситуациях как официального, так и неофициального общения. *Иван Алексеич! — крикнул чиновник в воздух, как бы не замечая Волдырева. — Скажешь купцу Яликову, когда придет, чтобы копию с заявления в полиции засвидетельствовал!* (обращение одного чиновника к другому в рассказе «Справка»). *Возмечтали о себе высоко, Трифон Пантелеич, — убеждал портного дьячок* («Капитанский мундир»).

Как показал анализ, использование патронимической формы имени при обращении к близкому человеку может быть как нейтральным, так и (что гораздо чаще) указывать на характер эмоций и волеизъявление адресанта.

Наряду с другими ситуациями общения патронимическая форма обращения может быть использована в симметричных речевых актах межгендерной коммуникации. В этом случае коммуникантами являются преимущественно лица среднего или старшего возраста любого социального статуса (но чаще высокого или среднего). Вот несколько примеров, репрезентирующих подобные коммуникативные ситуации. *Я дам вам тесу, Кузьма Кузьмич* (обращение генеральши к соседу-помещику в рассказе «Симулянты»). *Что же вы молчите, Иван Акимыч? Коли пришли и помешали зубрить роль, то хоть разговаривайте!* (обращение актрисы-инженю к комику в рассказе «Комик»). *Не могу себя побороть! Бейте, браните, а уж я скажу, Марья Андреевна!* (обращение комика к инженерю в том же рассказе).

Следует отметить, что обращение по имени и отчеству к лицу низкого социального положения встречается редко и свидетельствует или о высокой степени уважения к нему окружающих, или о ситуации, в которой такое обращение диктуется правилами этикета. Подобные обращения к лицу женского пола с низким социальным статусом единичны, например: *Кушайте, Данило Семеныч! — угощала нянька извозчика. — Не потребляю-с... нет-с... — отнекивался извозчик. Не невольте, Аксинья Степановна* («Кухарка женится»).

Помимо рассмотренных, в прозе А. П. Чехова очень широко представлены утраченные в настоящее время патронимические формы обращения в коммуникации *молодых* людей противоположного пола. Так, в рассказе «Поленька» молодые люди (он – приказчик в магазине, она – дочь содержательницы модной мастерской) обращаются друг к другу по имени и отчеству: Николай Тимофеевич и Пелагея Сергеевна. Вот еще ряд подобных примеров. *Съедемте вниз, Надежда Петровна!* – умоляю я. *Но Наденька боится* (обращение молодого человека к девушке в рассказе «Шуточка»). *Варвара Петровна!* – начал я после первого поцелуя (обращение героя к любимой девушке в рассказе «Пропащее дело»).

Можно предположить, что обращение друг к другу по имени и отчеству молодых людей разного пола свидетельствует или о недостаточной степени близости, когда они еще не перешли на обращение по имени, или подчеркивает важность ситуации. Так, в рассказе «Который из трех» девушка обращается к влюбленному в нее молодому человеку (которого обычно называет по имени) по имени и отчеству в ситуации, когда объявляет ему, что выходит замуж за другого: *...Дмитрий Иванович!* *Не пишите мне писем!* *Я выхожу замуж... Прощай, Митя!*

Обращение посредством патронимической формы имени (независимо от социального статуса коммуникантов) является также возможным при общении супругов или мужчины и женщины, находящихся в близких отношениях. Вот несколько примеров подобных обращений к мужчине женщин разных сословий. *Павел Васильч!* – будит Пелагея Ивановна своего мужа. – *А, Павел Васильч!* *Ты бы пошел позанимался со Степой, а то он сидит над книгой и плачет* («Накануне поста»). *Мать... не выдержала и сказала: «Ты бы, Евграф Иванович, дал ему еще рублей шесть на сапоги* (обращение жены к мужу в рассказе «Тяжелые люди» связано с просьбой денег для сына, что свидетельствует о ее материальной зависимости от мужа).

Патронимическое обращение женщины к мужчине может репрезентировать и ситуацию психологической зависимости, например: *Давно уж я вас не видала, Егор Власыч...* – говорит Пелагея, нежно глядя надвигающиеся плечи и лопатки охотника (обращение влюбленной крестьянки в рассказе «Егерь»); *Я люблю вас!* – просила она. – *Не гоните меня, Кондратий Иванович!* *Я не могу жить без вас!* (обращение жены к мужу-актеру в рассказе «Трагик»). В обоих случаях женщины испытывают чувство безответной любви. Патронимическое обращение в подобных речевых актах может выражать и другие аспекты взаимоотношений коммуникантов, например: *Павел Андреич,* – сказала она после некоторого молчания, – *два года мы не*

мешали друг другу и жили покойно. Зачем это вам так вдруг понадобилось возвращаться к прошлому? (обращение жены к мужу в рассказе «Жена», материальная зависимость от него сочетается с чувством неприязни).

Следовательно, если в первом из приведенных выше примеров обращение по имени и отчеству можно расценивать как нейтральное (хотя и в нем можно отметить наличие интенции просьбы), то в остальных случаях данная форма обращения является индексом того, что симметричный по форме речевой акт по сути своей является асимметричным, поскольку роль женщины в нем является зависимой.

Патронимическое обращение мужа к жене в аналогичных речевых актах тоже может указывать на ситуацию зависимости от нее, например: *Анна Филипповна!* – сказал он... – *Не вели казнить, вели слово вымолвить... Грешен!* (обращение коллежского асессора Мигуева к жене в рассказе «Беззаконие»). Но в рамках анализируемого материала таких примеров немного. Обычно мужчины в подобных ситуациях употребляют другие формы обращений.

Анализ представленного материала позволяет утверждать, что обращения играют важную роль в характеристике персонажей и репрезентации их взаимоотношений. Форма обращения эксплицитно или имплицитно репрезентирует социальные, возрастные, гендерные, образовательные, религиозные и другие характеристики адресата. По тому, как обращаются к персонажу художественного произведения, можно сделать выводы о месте данного героя в системе образов-персонажей, об отношении его с другими персонажами, а также об авторской оценке данного образа. Кроме того, форма обращения может идентифицировать и самого адресанта.

Таким образом, отбор субстантивной лексики для номинации персонажа в произведениях А. П. Чехова представляет собой целенаправленный процесс, служащий адекватному выражению авторских интенций. Автор выбирает оптимальный, с его точки зрения, способ номинации, используя возможности лексической системы для передачи как экстралингвистического содержания, так и собственного мировосприятия. Личные имена собственные становятся в структуре произведений А. П. Чехова важными компонентами художественной системы и развивают под ее воздействием эстетические значения, направленные на решение идейно-эстетических задач писателя, создание психологической характеристики персонажей. Использование по отношению к персонажу определенной формы обращения в рассказах А. П. Чехова вписывает его в систему социальных координат, указывает на психологические черты

личности и эмоциональное состояние в момент речи. Следовательно, этот прием играет важную роль в характеристике персонажа и выражении идейного содержания произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцева Т. В. К вопросу о словарном описании собственных имен в поэзии К. Бальмонта / Т. В. Зайцева // Язык русской литературы XX века: Вып. 2 / Под общ. ред. О. П. Мурашовой, Н. А. Николиной. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2004. – С. 28-34.

2. Данилина Е. Ф. Категория ласкательности в личных именах и вопрос о так называемых «сокращенных» формах имен в русском языке / Е. Ф. Данилина // Ономастика. – М.: Наука, 1969. – С. 149-162.

3. Крысин Л. Г. О некоторых понятиях современной социальной лингвистики / Л. Г. Крысин // Язык и общество. Межвуз. науч. сб. Вып. 4. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1977. – С. 3-19.

4. Сироткина Т. А. К вопросу о стилистической окраске антропонимов / Т. А. Сироткина // Ономастика Поволжья: Тез. докл. VIII междунар. конф. Волгоград, 8–11 сент. 1998 г. / Отв. ред. и сост. В. Супрун. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 90-93.

5. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фонякова. – Л., 1990. – 206 с.

Рецензент — О.Н. Чарыкова.

Статья принята к печати 18.10.2006.